

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Центр проблем развития образования ГУУиНМР

**СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ:
ДИЛЕММЫ РАЗВИТИЯ**

Материалы Круглого стола НИТГУ и БГУ (10 октября 2014 г.)

Составители: Г.И. Петрова, И.А. Ершова (Томск);
Д.Ю. Король, А.А. Полонников (Минск).

Минск
2015

УДК 378(06)
С 568

Решение о депонировании документа вынес: Научно-методический совет ЦПРО ГУУиНМР БГУ, протокол № 4 от 7.04.2015 г.

Составители: И. А. Ершова, Г. И. Петрова (Томск); Д. Ю. Король, А. А. Полонников (Минск).

Рецензент: Коломинский Я. Л., доктор педагогических наук, профессор БГПУ.

Современный университет: дилеммы развития : материалы Круглого стола НИТГУ и БГУ (10 октября 2014 г.) / БГУ, Центр проблем развития образования ГУУиНМР ; сост. И. А. Ершова [и др.] ; под общ. ред. А. А. Полонникова. – Минск : БГУ, 2015. – 32 с.

Реферат (аннотация): В тексте содержательно отражено событие международного сотрудничества университетов Беларуси и России, нашедшее выражение в проведении Круглого стола сотрудниками Национального исследовательского Томского государственного университета и Белорусского государственного университета. Круглый стол обозначил ряд ключевых проблем развития современного высшего образования, в том числе и вопросы преемственности между классическим и неклассическим университетом, содержания исследовательской деятельности студентов, фундаментального образования, а также принципы университетского строительства в условиях рынка и международной образовательной интеграции.

Адресуется студентам, аспирантам и преподавателям уво.

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ДИЛЕММЫ РАЗВИТИЯ¹

Материалы Круглого стола НИТГУ и БГУ (10 октября 2014 г.)

10 октября 2014 г. состоялся телемост в форме круглого стола преподавателей, администрации, студентов, аспирантов и магистрантов Национального исследовательского Томского государственного университета (ТГУ), Томского университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), других образовательных учреждений г. Томска и ведущих научных сотрудников Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета (ЦПРО БГУ, Минск, Белоруссия) (по скайпу). Обсуждались следующие вопросы:

- Исследовательский университет – новая модель или этап развития классического университета?
- По каким параметрам (критериям) исследовательский университет отличается от университета классического?
- Классический университет всегда предполагал исследовательскую деятельность профессора и студента. Какой дополнительный смысл вносит название «исследовательский» для современного университета?
- Как может быть представлена фундаментальная наука в современном исследовательском университете? Каковы формы фундаментальности науки и образования в современном исследовательском университете?
- Может ли идентичность современных исследовательских университетов иметь специфические характеристики в каждом отдельном случае, а эмблематичное качество «исследовательский» проявляться в различных формах?
- Как возможно (и возможно ли, и необходимо ли) сохранение критериев, идеи и миссии классического университета при переходе его в статус национального исследовательского?
- Как возможно в культурной ситуации множественности университетских форм сохранение единой «идеи университета» и его

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №14-13-70004 «Корпоративная культура классического университета: роль в формировании профессиональной и личностной идентичности выпускника».

единой миссии? (Кроме исследовательских, сегодня появились университеты педагогические, медицинские, гуманитарные, инновационные, корпоративные, предпринимательские и пр.).

• Как может и может ли сохранить свое значение (ведущее для классического университета) гуманитарное знание в университете исследовательском? Что значит «гуманитаризация образования» в современном исследовательском университете?

• Исследовательский университет: укрепление или отказ от классического критерия автономии?

• «Грезить о будущем» – стратегическая установка классического университета. «Грезит» ли исследовательский университет?

Участники дискуссии:

Буденкова Валерия Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Института искусств и культуры ТГУ;

Бут Олеся Анатольевна, аспирант ТУСУР;

Гусаковский Михаил Антонович, кандидат философских наук, доцент БГУ;

Зыкова Светлана Николаевна, кандидат философских наук, заместитель директора МАОУ Лицей №1 им. А.С. Пушкина г. Томска;

Король Дмитрий Юрьевич, методист высшей квалификационной категории Отдела планирования образования и реформ ЦПРО БГУ;

Кулижская Екатерина Геннадьевна, аспирант Института развития образовательных систем СО РАО в г. Томске;

Майер Георгий Владимирович, доктор физико-математических наук, профессор, президент ТГУ;

Осаченко Юлия Станиславовна, кандидат философских наук, доцент философского факультета ТГУ;

Петренко Валерия Владимировна, кандидат философских наук, доцент философского факультета ТГУ;

Полонников Александр Андреевич, кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора ЦПРО БГУ;

Савельева Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент Института искусств и культуры ТГУ;

Стаховская Юлия Михайловна, аспирант ТГУ;

Шпагин Сергей Александрович, кандидат философских наук, доцент, зам. декана по учебной работе философского факультета ТГУ.

Ведущие круглого стола:

Зоткин Андрей Олегович, кандидат философских наук, доцент факультета психологии ТГУ, эксперт сети Федеральных инновационных площадок Министерства образования и науки РФ;

Петрова Галина Ивановна, доктор философских наук, профессор философского факультета ТГУ.

Ключевые слова: классический университет; исследовательский университет; идея; миссия; критерии.

А.О. Зоткин: Уважаемые дамы и господа! Коллеги, мы с Галиной Ивановной представим краткие содоклады, содержащие, на наш взгляд, основные вопросы по теме круглого стола.

Круглый стол продиктован необходимостью самоидентификации, которая встала непосредственно перед нашим классическим Томским государственным университетом, получившим исследовательский статус. Вопрос этот на разных уровнях – администрации и преподавателей – стоит сегодня очень остро. Острота обусловлена, в первую очередь, тем, что от его решения зависит выбор управленческой стратегии. Как она должна (и должна ли) измениться? Чем она отличается от традиционной стратегии управления в классическом университете? Что принимается в новых условиях в качестве объекта управления? Что мы приобрели вместе с новым статусом? Что и как принципиально меняется, каковы концептуальные основания различия и идентификации традиционной и современной моделей университетов?

Анализ экспертных точек зрения позволяет зафиксировать следующие позиции. 1. «Исследовательский университет» возник в специфических условиях «протестантского духа» США. Поэтому в Европе и России, где история была иной, понятие «исследовательский» вызывает сомнения. 2. Классический университет – это и есть университет исследовательский. Его основатель – В. фон Гумбольдт – ставил акцент на производстве знаний, т. е. на исследованиях. Какова же новизна в понятии «исследовательский» сегодня? 3. Исследовательский университет – совершенно новая модель университета. В ее идентификации используются не столько концептуальные, сколько экономические критерии: объем финансирования, материальная база для исследований, товарные характеристики научной продукции, возможность продажи результатов научного исследования, приоритет в подготовке кадров высшей категории (магистров, кандидатов и докторов наук) и т.п. Вопрос

же о качественном – сущностном – различии исследовательской и классической моделей университетов остается открытым.

Конечно, мы пребываем в радужной надежде на то, что указанная нам сверху модель университета перспективна и эффективна. Хотя в самом слове «эффективность» применительно к образованию заложен амбивалентный смысл. Так, на недавно прошедшей в Москве в Высшей школе экономики международной конференции исследователей высшего образования (16-18 октября 2014 г.), Эллен Хейзелкорн (Ellen Hazelkorn, Ирландия) представляла результаты исследования влияния международных рейтингов на трансформацию университета. Были показаны негативные стороны, риски повсеместного использования международных рейтингов. Выявлено, что люди и организации, изначально ориентированные на количественные показатели, быстро добиваются успеха на «короткой дистанции» и теряют эффективность, терпят полный крах на более длинной дистанции. Я хотел бы обсудить следующий тезис. Уверенность, что надо менять не столько модель университета, сколько «наращивать» темпы вхождения в международные рейтинги, в дальнейшем может привести к быстрой утрате достигнутых позиций, к повышению скорости «падения вниз». Такой выбор является отказом от развития, от совершенствования качества, что в дальнейшем может привести к тому, что достигнутые позиции быстро утратятся.

Поиск идентичности университета позволяет преодолевать этот риск. В этом отношении ответ на вопрос «является ли классический университет исследовательским?» – это не столько вопрос «сущностного» различия, сколько вопрос «стратегической рефлексии». В логике различия мы можем найти критерии исследовательского в модели классического университета. Это и фундаментальность науки и образования, автономия, гуманитарная направленность и элитарность, высокий профессионализм и т. п. Однако, в логике «стратегической рефлексии» мы обнаружим, что содержание этих критериев существенно меняется.

Наибольшее влияние на трансформацию как критериев, так и самой модели, оказывают процессы глобализации. «Университет Гумбольдта» строился на двух опорах – Нация и Наука. Кто-то скажет, что до гумбольдтовской модели университет выходил за рамки национального государства и в этом отношении, якобы, глобализация всегда являлась для университета внешним фоном. На этот счет следует возразить, что политическое и культурное единство средневековой Европы строилось не столько как процесс глобализации, сколько как процесс христианизации,

как процесс влияния католической церкви. Глобализация в отличие от христианизации характеризуется не только толерантностью к многообразию, но и рассматривает многообразие как ресурс развития. Глобализация предполагает не мировоззренческое единство, но интеграцию процессов, в частности, для университетов глобализация – это вхождение в «глобальное производство знаний». Роль общего (латинского) языка в христианизации – сакральная. Язык рассматривался средством общности с Богом, так как Бог и Слово едины. Распространение в современном мировом пространстве английского языка выполняет функцию межкультурной коммуникации. Таким образом, действительно, глобализация и ее влияние на новую модель университета – это то, что требует серьезного обсуждения.

Следующий серьезный момент для обсуждения исследовательской модели – это изменение самого появления, создания, производства знаний. Можем ли мы сегодня рассматривать науку как единственно возможную и единственно объективную форму производства знания? В этом отношении важно рассматривать науку как социальный институт, его влияние на университет и его трансформацию.

В рамках моей исследовательской программы становится возможной и постановка вопроса и о влиянии профессии на процессы трансформации университета. Толкотт Парсонс, рассматривая процессы профессионализации, указывал на ключевую роль университетов, связывая развитие университетов с развитием профессий. Следуя его логике, можно предположить, что на трансформацию университета, в том числе на становление исследовательской модели университета, оказывает влияние трансформация процессов профессионализации, которая, в свою очередь, осуществляется под воздействием сетевых профессиональных сообществ.

В заключение хочу еще раз обратить внимание на практический смысл вопроса идентификации исследовательского университета, состоящий в выборе стратегии управления. Сегодня существует несколько позиций по поводу управления в классическом университете, получившем статус университета исследовательского. Первая: ничего не менять, надо делать то же, только больше и лучше («еще больше того же самого»). Вторая: совершенствуем, но принципиально ничего не меняем. Третья: требуется новая модель управления, релевантная трансформациям классического университета, его преобразованиям в принципиально иной модельный тип – в исследовательский университет.

Именно, эта третья позиция, возможно, выглядит наиболее привлекательной на фоне международных образовательных трендов и, значит, способствует тому, чтобы надолго и прочно войти в международные рейтинги. Прав ли я в высказанных предположениях?

Г.И. Петрова. Уважаемые коллеги! Тема круглого стола вызывает интерес в силу ностальгического предчувствия исчезновения классического университета. Классический университет в неклассическое время обрекается на «руины» (Б. Ридингс) и эта тема в той или иной форме является лейтмотивной для современных исследований. Хотелось бы высказать гипотезу для обсуждения на круглом столе, хотя, безусловно, она не ограничивает тематику нашего разговора. Можно предположить, что «руины», т. е. бесчисленные университетские формы, возникшие вокруг классического университета, создавая конфигурацию университетской множественности, на самом деле говорят не о развале университета, а готовят почву для возникновения его новой модели, идущей на смену университету классическому. Особый интерес вызывает модель, которая бережно относится к классическим критериям университета, сохраняет их, хотя и в новой форме. Национальный исследовательский университет – одна из этих моделей. «Руины» классического университета, вследствие заложенного классикой духовного потенциала, продуктивны в том смысле, что являются момент истины, либерализующей единство национальной духовности и предлагающей увидеть «множественную идентичность» классического университета.

Круглый стол собрался, чтобы в сравнительном анализе прикоснуться к проблеме идентификации той модели, которая получила название «национальный исследовательский университет». В самом деле, какие изменения произошли в классическом университете, которые заставили присвоить, например, нашему университету этот статус? Выскажу несколько идей, которые дают представление о моем видении предлагаемой для обсуждения темы.

Сегодня стала очевидной недостаточность институциональной системы, базирующейся на идее классического университета, содержание которой было сформулировано В. фон Гумбольдтом. Классическая конструкция осуществлялась в рамках проекта Просвещения и была релевантна эпохе XIX века. Это была эпоха устойчивого социального развития, базирующегося на вере в непрерывный прогресс и совершенствование общественного устройства, в прогрессивное развитие культуры, науки, политических режимов. Вера питалась рационализмом

научного типа, базировалась на этосе научной истины и, как казалось, априори гуманистическом характере науки. Соответственно университет рассматривался местом культурного аристократизма, где главной ценностью была ценность элитарной культуры. Аристократизм и элитарность были направлены, по Гумбольдту, на укрепление национального суверенитета и «духа народа». Как Церковь Просвещения он выражал и формировал «народную духовность». Идея университета, т. е. его сущность и эмблема – это научная истина, наука, которая тогда гарантировала духовный и социальный прогресс, и на которую возлагались надежды как на культурную рациональную доминанту. В таком же просветительском и просвещающем направлении В. фон Гумбольдт видел и критерии университета – фундаментализация и гуманитаризация образования, автономия, свобода научного исследования, отрицание утилитаризма и прагматизма. Университет – красивая «башня из слоновой кости», где «в уединении» работает профессор и его студент. Такая картина, действительно, вызывает ностальгическое настроение: сейчас бы профессору поработать в спокойном, автономном и плодотворном уединении со студентом, магистрантом, аспирантом.

Но современность несет другие перспективы. Университет вышел в мировое «пространство потоков» (М. Кастельс), в «течущую социальность» (З. Бауман), размывающую «национальный дух народа». Глобализация мирового пространства и его сетевая организация предлагают иные подходы к определению нации и национальной культуры. Университет погрузился в мир, который в качестве своего социального механизма больше не имеет традицию, она заменена инновацией. Он оказался подхваченным общей мобильностью, включился в мировые тренды и, живя в новой социальности, вынужден принять законы мировой конкуренции и погрузиться в стихию мирового рейтинга. Чтобы выжить, он должен стать конкурентоспособным. Среди прочих составляющих конкурентоспособности коммерциализация занимает не последнее место. Пошатнулась его Идея, ибо современный плюрализм в типах рациональности знания предложил увидеть гетерогенность научной истины, а наука после ненадежных АЭС, милитаристских воплощений и прочего стала терять априори гуманистический характер. Во всяком случае, вера в такую априорность тоже пошатнулась. Что же касается аристократизма, гуманитарного настроения и особой духовной ауры, то тоже возник вопрос. Может ли все это существовать в обществе потребления, в

культурной повседневности, в условиях массовизация университетского образования?

Университет из Храма, сакрального, просвещающего и преображающего, превращается (факты об этом свидетельствуют) в рядовой институт мира повседневной борьбы за выживание, допускает прагматизм, утилитаризм и коммерциализацию образования. Это грозит потерей его классической специфики. Но, продолжая осуществлять привычные действия, университет может выпасть из социальной и культурной ситуации. Таково трагическое для университета противоречие, решить которое ему предстоит.

Решает ли его исследовательский университет, который, как кажется, среди прочих современных моделей университета наиболее близок университету классическому? Какого рода изменения необходимы, чтобы это решение было успешным? В первую очередь и прежде всего, будем считать, что исследовательский университет создан для того, чтобы, не отказываясь от Идеи и критериев классического университета, бережно наследуя (иначе уйдет университетская сущность и специфика, то «университетово», что делает университет университетом) и трансформируя их, принять на себя миссию опережения социального развития. Он обязан не адаптироваться под общество, но, трансформируясь, показать его будущее, «грезить» (М. Маяцкий) о нем и выработать возможные пути к нему. Но теперь эта греза не может безоговорочно базироваться на энциклопедическом усвоении знания, на вере, что наука, являясь рациональной, всегда гуманистична. Университетская греза вырабатывает новые формы фундаментальности и рациональности науки, предлагает их к практике использования в социальных проектах.

В этом – миссия исследовательского университета как наследника университета классического. Университет проектирует будущее, учит умению ориентироваться в мире плюрализма культур и «играющей» истины, которые заставляют человека «не застревать» на месте, но постоянно конструировать себя как нового.

Итак, что есть современный исследовательский университет? Храм? Зона повседневности? Коммерческая корпорация? Каковы его Идея? Критерии? Миссия?

Мы с Андреем Олеговичем предложили вопросы к обсуждению. Предлагаю это обсуждение начать, не ограничиваясь, конечно, только названными вопросами.

Георгий Владимирович, пожалуйста. Слово – президенту Национального исследовательского Томского государственного университета. Статус Национального исследовательского наш университет получил, когда Георгий Владимирович был его ректором.

Г.В. Майер. Говоря о классическом университете, следует иметь в виду необходимые и достаточные основания для определения его специфики. Необходимым условием является наличие гуманитарных факультетов, которые в ходе истории то уходили, то приходили вновь, но всегда отличали университет от других вузов. В самом начале своей истории университет имел 4 факультета, каждый из которых был связан с изучением человека и служил ему: медицинский, теологический, юридический и факультет артистический (7-ми свободных искусств). В Средние века, когда и возникал университет, культура в качестве своей доминанты имела теологию, следствием этого, конечно, обязательным был теологический факультет. В Новое время, когда стала доминировать наука, факультеты «заспорили», поскольку рациональное мышление затребовало физико-математическое образование (и, следовательно, факультет), а как стиль мышления заявила о себе философия. Кант откровенно стал говорить о «споре факультетов» – теологического и философского. По немецкой модели, то есть в университете В. фон Гумбольдта, сложились как обязательные 4 классических факультета – медицинский, юридический, физико-математический и историко-филологический. Они и представляют собой необходимое условие для определения понятия «университет».

Достаточность же понятию «университет» придает, во-первых, его особое отношение к вопросам культуры. Миссия университета – быть центром культурной жизни страны или ее отдельного региона. Второе «достаточное» условие – интеграция науки и образования, т.е. включение процесса образования в деятельность научных коллективов. Когда я учился на физмате, студенты с 3 курса делали курсовые работы на базе НИИ и были непосредственно включены в научный процесс. При такой организации студент оказывается близким научному коллективу как в плане научной тематики, так и духовно, ценностно, мировоззренчески. Интеграция образования и науки способствует не только научному росту, но и формированию духовных качеств личности. Особую гуманитарную ауру университета студенты высоко ценят. Они, конечно, смотрят на жизнь прагматически, но их заботят и ценности государства, общества, отношение к работе, любовь к семье, родине и т.п. Приведу пример.

Встреча выпускников на физическом факультете. Среди них – предприниматели, поэты, люди искусства. Что им дал факультет? Конечно, не только профессию. Факультет способствовал их личностному формированию.

Современный классический университет, конечно, ориентирован на новые, соответствующие современному профессиональному и культурному миру личностные и социальные характеристики. Безусловно, он не может не воспринять на себя специфику развития современного мира, которая состоит в его инновационной мобильности, не допускающей традиционную «уединенность» исследовательской работы профессора и студента. Университет сегодня – это один из основных институтов инноваций, требующий совершенствования деятельности в сферах образования, науки, культуры, управления. Его инновационная система – «интерфейс», обеспечивающий прямые и обратные связи между возможностями университета и запросами человека – экономическими, экологическими, социальными. Терминология и суть инноваций опираются на современный характер нелинейного накопления практических знаний и незамедлительного их использования в бытии индивида и общества. Поэтому сегодня нет одного понятия университета и одной модели его развития. Есть модели инновационного, предпринимательского, корпоративного университетов, университета-технополиса, профессионального университета и др. Все они учитывают инновационную университетскую деятельность.

Нас интересует сравнение исследовательской и классической моделей университета. Что характерно для классического университета, так это, прежде всего, фундаментальность его образования, основанная на доминировании фундаментальных научных исследований. В этом отношении современный исследовательский университет в своем названии имеет некоторую избыточность, так как университет всегда был и есть исследовательский. В сравнении с «Университетом Гумбольдта» и продолжая ориентацию на фундаментальное образование, науку и культуру, он сегодня частично развивает и прикладное образование. Дополнительно к естественнонаучным и гуманитарным дисциплинам уделяется внимание таким сферам, как экономика, менеджмент, управление и т.п. Современный университет обращается к прикладным научным исследованиям (технологии, ОКР и т. п.), а также к прикладной культуре (специальные исследовательские компетенции, используемые, например, в менеджменте в культуре). Кроме того, исследовательский

университет частично осуществляет отход от традиционной иерархической модели управления. Ну и во всех видах деятельности он стремится применять инновации.

Наш университет (ТГУ), на мой субъективный взгляд, нуждается в дополнительных «прикладных» образовательных программах (совместных, межвузовских, международных и др.), образовательных инновациях (например, сетевых дистанционных технологиях), в расширении масштабов инновационно-технологической деятельности (например, создание новых малых предприятий или привлечение аутсорсинговых структур при реализации технологических проектов). Он нуждается в развитии новых идей при реализации социальных инноваций, и, конечно, ему нужна существенная модернизация системы управления, которая должна быть ориентирована на другие масштабы финансовой деятельности в целом.

Следует заметить, что никакого антагонизма между моделями университетов нет. Реализация модели исследовательского университета позволяет, например, давать выпускникам предпринимательские компетенции. Это, в частности, может быть с успехом реализовано и в ТГУ. Основным вопросом университета любой модели является, конечно, вопрос образования, но основная задача – миссия – подготовка человека к жизни. Исследование – один из путей в этой подготовке. Оно способствует развитию таких совершенно необходимых в любой современной профессиональной сфере личностных характеристик, как нестандартность мышления, профессиональная предприимчивость и т. п. Личность сегодня – это человек, способный к саморазвитию, умеющий анализировать, делать выводы, иметь навыки исследования, чтобы успевать за рождением нового знания и приобщаться к нему. Университет способствует совершенствованию качества жизни, его миссия – это трансфер знаний в экономические, экологические, социальные, культурные и другие сферы. И совершенно не обязательно, чтобы университетские инновации обладали коммерческим потенциалом, имели стоимостное (денежное) выражение и товарную форму. Если иметь в виду, что миссия университета – это общая подготовка человека к жизни, то вопрос об отнесении его к какой-то конкретной модели не стоит.

Я – сторонник классического университета. Я верю в него. Да, университет – это сложная социальная система, константа которой стоит на классическом образовании и классической культуре. Потому он и сохраняется в любых условиях. Классика – это то, что вечно и что

устойчиво. Думаю, что не может быть жесткого выбора: либо исследовательский университет, либо классический.

А.А. Полонников. Один из ключевых вопросов, сформулированных Г.И. Петровой и А.О. Зоткиным, касается миссии исследовательского университета. Вопрос поддержан и в выступлении президента Национального исследовательского Томского государственного университета Г.В. Майера. Для рамочного определения миссии авторы воспользовались методом категориальных оппозиций. Это придало дефиниции несколько парадоксальный характер, ибо были объединены «инструментальность» и «фундаментальность», «глобальность» и «локальность», «массовизация» и «индивидуализация». Интуиция социальных философов, стремящихся, как мне кажется, терминологически ухватить суть противоречивого положения исследовательского университета, побуждает следовать терминологическому примеру З. Баумана и Г.М. Маклюэна, обогативших современный гуманитарный лексикон такими понятиями как «глокализация», «глобальная деревня» и прочее.

Я бы хотел присоединиться к обсуждению этого вопроса, развив и дополнив понятие миссии еще одной проекцией – управленческой. Для управленца определение миссии соотнобразится с ее практическим значением. Использую некоторые положения теории П. Бурдьё, связывавшего управленческое действие с распоряжением несколькими видами капитала: экономическим, культурным, социальным и символическим. Акцент будет сделан на символическом капитале как основе символической власти, реализующей, по Бурдьё, влияние и создающей смысловую универсум при помощи слов.

С точки зрения управленца, словоформа «миссия» нужна, прежде всего, для того, чтобы обеспечить символическую интеграцию и эффективное взаимодействие университетского сообщества. Без «миссии» университет распадается на не связанные между собой структурные единицы, не образует системы. Для обозначения факторов символической общности П. Бурдьё изобрел специальные слова: «*illusio*» (то, ради чего осуществляется кооперация и действие) и «*nomos*» (правила, разделяемые сообществом). Миссия – это то, что наиндивидуально и является формой связи конкретных людей в конкретном месте, укореняет их в ситуации. Укоренение рассматривается в качестве еще одной «вещи», продуцируемой миссией. Миссия университета, в отличие от миссий других социальных структур и групп, как верно заметил Г.В. Майер,

находит свою спецификацию, прежде всего, в описании образовательной деятельности. Миссия исследовательского университета состоит из трех блоков. Каждый «удерживает» свою направленность управленческих усилий: миссия как трансгрессия, миссия как реакция и миссия как гуманитарная задача. Каждая из частей образует автономный символический универсум.

Выражению миссии классического университета была свойственна целостность, базирующаяся на едином основании научной рациональности. Исследовательский университет сталкивается в своей деятельности с огромным количеством противоречивых, а порой, и взаимоисключающих функций. Что из этого следует для дескрипции его миссии? Нам представляется, что в описании миссии классического университета в неклассическое время должен происходить разрыв. Каждая из частей миссии в этом случае образует относительно автономный символический универсум (со своими «*illusio*» и «*nomos*»), отношения между частями которого требуют отдельного прояснения.

Описание миссии исследовательского университета видится мне состоящим из трех блоков, каждый из которых «удерживает» ту или иную направленность управленческих усилий: миссия как трансгрессия, миссия как реакция и миссия как гуманитарная задача.

Первый блок – профетический. Он соответствует тому, что философы М. Маяцкий, Г.И. Петрова, А.О. Зоткин метафорично называют «грезой о будущем», и что является вкладом университета в духовное производство, опережающее самосознание социума. «Греза», являясь утопией, обеспечивает символическую конвергенцию университета, фиксируя его высшие смыслы и ценности. Ее вектор указывает направление университетского развития, обеспечивает его устойчивость в изменчивых и качественно неоднородных условиях современного мира.

Второй блок миссии позиционирует университет как институт, отвечающий на вызовы общества. Обращение к «вызову» – форма социального действия, фиксирующая жизненную сензитивность университета, способность «схватывать» актуальные государственные, общественные и индивидуальные запросы времени. В содержание этого блока могут включаться задачи модернизации образования, призванной адаптировать университет к динамическим социально-политическим реалиям.

Третий блок связан с артикуляцией гуманитарной задачи и образует, как мне представляется, самую сложную область разработки миссии

исследовательского университета. Контуры ее постановки могут быть заимствованы в размышлениях М. Фуко об исторической генеалогии субъекта, а также в разработках американского философа образования Г. Жиру. Известно, что гуманитарная задача классического университета строилась на фундаментальной предпосылке – принципиальной возможности и необходимости автономии субъекта, которая коррелировала с университетской автономией. Современная жизненная ситуация, обусловленная информационно-компьютерными обстоятельствами и «иконическим поворотом» в культуре, проблематизирует саму возможность индивидуальной автономии. Г. Жиру противопоставляет идее автономии идею либерализации субъекта, обнаруживающего себя как продукт символических практик, эффектов коммуникации и качественно разнородных образовательных политик. Гуманитарная миссия университета в этом случае состоит в ревизии и трансформации «практик себя», рожденных классической эпохой, а также в поиске новых форм разотождествления/отождествления индивида с самим собой. Этой проблеме сегодня следовало бы придать особый акцент в управленческой политике университета.

А.О. Зоткин. Я думаю, что высокие материи, предложенные для обсуждения темы высокими же по своему статусу людьми, могут быть дополнены и развиты идеями и мыслями бывших выпускников Томского государственного университета, его аспирантами и преподавателями. Светлана Николаевна, Вам слово.

С.Н. Зыкова. Меня в проблеме, поставленной на обсуждение, беспокоит вопрос массовизации исследовательского университета, что, кажется, противоречит самому понятию «исследование». Если любой человек сегодня может поступить в исследовательский университет, то, по логике рассуждения, любой может и должен стать исследователем. Но действительно ли это так? Классический университет представлял и представляет элитарную модель образования, которая призвана воспроизводить элиту, т. е. людей, которые могут занимать лидирующие позиции в обществе. Такая установка позволяла университету реализовывать миссию, которую Х. Ортега-и-Гассет обозначил как руководство и лидерство в обществе. Примерно в середине 20 века элитарная модель высшего образования сталкивается с критикой, поскольку не отвечает новым запросам экономики и демократизации общества. Социально-экономические условия стали требовать от университета признания, того, что все, а не некоторые способны к

высоким учебным достижениям и к практике управления. Сторонники различных точек зрения на судьбу классического университета едины, однако, в том, что ключевые изменения в университете связаны с переходом от элитарной культуры высшего образования к массовой. Массовое высшее образование ориентировано на воспроизводство не только элиты, но на гораздо более широкий спектр позиций в обществе – на подготовку «белых воротничков», технически подготовленных специалистов.

Выступает ли массовость тем параметром, который позволяет различить университет классический и университет исследовательский?

Открытие университета широкой аудитории привносит свои проблемы: ставит под вопрос сохранение элитарности, высокого уровня качества, гуманитарную составляющую образования, которая обеспечивала критическую позицию в обществе. Каким образом исследовательский университет будет «справляться» с массовостью? Возможно, ответ на этот вопрос заключен именно в характеристике – «исследовательский»? Сегодня возрастает спрос на исследовательский тип мышления, на экспертизу в области управления информацией. Практически каждый специалист будет сталкиваться с задачами манипуляции знанием на рабочем месте. Поэтому тип обучения, в основе которого заложено исследование, не только не устаревает в связи с массовостью университета, но, напротив, переживает новый подъем. В миссии исследовательского университета ставится акцент на том, чтобы студент готовился как самостоятельный исследователь (в отличие от «Университета Гумбольдта», где роль исследователя все-таки отводилась преподавателю).

Е.Н. Савельева. Хотела бы поддержать вопрос относительно гуманитарной составляющей миссии университета. Направить разговор в эту сторону тем более актуально, что именно гуманитаризация университетского образования сегодня ставится под вопрос в связи с активным вниманием к его прагматизации и коммерциализации. Конечно, университет не может оставаться в стороне от вызовов времени. Но противоречия социокультурной реальности XXI века требуют анализа и выработки механизмов минимизации рисков. Университет как та самая «греза» о будущем может способствовать их решению не только через сохранение главного ресурса классического образования, осуществляющего фундаментальные научные исследования, но и благодаря собственной гуманитарной спецификации – ориентации на

духовные ценности. Актуализация гуманитарного содержания миссии университета – это один из ответов на вызовы современности, и отвечать, в первую очередь, обязан именно университет. Какие это вызовы? Среди насущных проблем, решение которых требует участия специалистов в области гуманитарного знания, можно отметить, например, кризис межкультурных коммуникаций и кризис идентичности. Наглядным примером первого являются многочисленные локальные и глобальные конфликты, нарастающая напряженность в межэтнических и межконфессиональных отношениях, неспособность к диалогу «неродственных» (и родственных, что показала Украина) культур. Внутренний раскол, несогласованность компонентов идентичности (на индивидуальном и коллективном уровнях) крайне негативно влияют на успешность коммуникаций, провоцируя контр-коммуникативные тенденции. Безусловно, именно гуманитарное знание исполняет роль теоретико-методологического базиса в исследовании данных процессов, осуществляя процедуру их идентификации и культурологической оценки. Однако, есть ли в стране, да и в мире в целом эффективная форма институализации культурологической экспертизы, которая бы позволяла переводить результаты ее оценки в законодательно-правовое поле? Именно университет мог бы явить собой такое экспертное сообщество, которое бы взяло на себя решение проблем и задач гуманитарной, экологической, научной экспертизы социальных последствий практического использования современных открытий науки. Востребованность подобной практико-ориентированной деятельности определяется, повторю, отсутствием сложившейся методологической программы культурологической экспертизы. Ответственность за разработку ее базовых принципов способно взять на себя университетское гуманитарное сообщество, владеющее требующимся для этого инструментарием (культурологическим, искусствоведческим, психоаналитическим). Благодаря этому возможно расширение сфер практического влияния современного университета на стремительно меняющуюся социокультурную реальность.

Г.И.Петрова. Передаем слово коллегам из Минска. Пожалуйста, Михаил Антонович.

М.А. Гусаковский. Выскажу несколько тезисов относительно темы круглого стола.

1. Одна из основных функций, которая принадлежит университету со времени его появления, – это функция рационализации. В XII веке

университет прилагал усилия к тому, чтобы на основе нового языка, вырабатываемого складывающейся университетской наукой, собрать всю сумму знаний и создать как можно более полное описание универсума (университет и универсум – неслучайное созвучие). Универсальная «сумма знаний» – вот чем отличался университет со времени своего возникновения. Основой и моделью такой «суммы знаний» послужили сочинения Аристотеля. Становление строгого мышления и перевод психологического в логическое – две функции новой институции.

2. Университетская «сумма знания» очень скоро приняла вид «силы порядка» (Ле Гофф); инстанция христианизированного человеческого разума обретает роль верховного судьи всех действий и возможных проступков людей. Усилиями Аквината мораль из сферы психологических переживаний переводится в перспективу построения логических суждений, так как «критерием» для основных этических предпосылок полагалось не то, что они интуитивно очевидны, но то, что они необходимо истинны. На практике такой университет представлял собой две ступени образования – «факультет искусств», включающий тривиум и квадравиум. И три факультета – теологии, медицины и юриспруденции. Основным языком преподавания была латынь. В такой «классической форме» университеты просуществовали с XII по XVIII век. Основной чертой университета была ориентация на античные, «классические» образцы.

3. В Новое время университет начал обретать новые формы и претендовать на звание классического университета. Это был и «Наполеоновский университет» во Франции, и «Университет Гумбольдта» в Германии, и «Университет Ньюмена» в Великобритании. По модели немецкого университета формировался университет в России.

4. Дискуссии на тему «Возможен ли классический университет в России?» возникли в середине XIX века. Идея соединить в университете преподавание основ наук и исследование впервые была высказана В. фон Гумбольдтом и заключалась в попытке поменять интеллектуальную ориентацию университета – с античных образцов на образцы науки Нового времени. Основной целью деятельности разума объявлялся совместный «поиск истины». Так, вместе с изменением исторических обстоятельств менялись и образцы «учености», «образованности», а вместе с ними и нормы «классичности».

5. Сегодня университет обнаруживает себя в ситуации очередного кризиса идентичности. Это, помимо прочего, предполагает смену

нормативных образцов и «правил игры». Попытка предложить возможный концептуальный подход, направленный на обсуждение указанного кризиса, содержится в идее, разрабатываемой В.С. Степиным, о трех типах рациональности. Все типы – классическая рациональность, неклассическая и пост-неклассическая – присутствуют в современной научной, и шире – исследовательской – культуре. Эта типология может быть применима к разработке концепции современного университета. Ориентация на тот или иной тип рациональности актуализирует тот или иной тип исследовательской деятельности, который необходимо культивировать в современном исследовательском университете.

А.О. Зоткин. Друзья, дискуссия продолжается, и слово предоставляется Сергею Александровичу Шпагину, зам. декана философского факультета ТГУ.

С.А. Шпагин. Задача сравнительного анализа классического и исследовательского университетов актуальна и имеет значение особенно для тех университетов, которые сегодня стремятся найти свое место в мировом научно-образовательном сообществе. Но вызывает сомнение ограничение анализа хронологическими рамками трансформирующейся современности. Университеты Средневековья и начала Нового времени уже следовало бы называть классическими. Начатая же В. фон Гумбольдтом реформа университетского образования в Германии была не только средством социального проектирования (способом «грезить» о будущем), но и средством социальной адаптации университетов к условиям становления индустриальной цивилизации. Адаптация выражается не только в проявлении новых качеств, но и в редукции не востребованных в обновленных условиях. Так, стандартизация программ, соединение образования с исследованием отразили и ответ университетов на запросы экономической и политической конъюнктуры, и секуляризацию образования. Зависимость от светской власти вела к переосмыслению академической свободы, ее превращению из юридической в профессионально-этическую ценность. Подчеркнутая ориентация университетов на формирование национальной элиты, на освоение национальной культуры означали не только реакцию на вызов романтизма, но и отход от той международной культуры «кочующих» профессоров и школяров, которую поддерживала сеть латинизированных университетов Европы.

Изложенный контекст позволяет адекватно описать и оценить современный этап эволюции университетов. С одной стороны, нельзя не

согласиться с мнением тех коллег, которые видят в современных исследовательских университетах продолжение классической модели. С другой, – сегодня явно видны принципиально новые, не приняты которыми университет не может. Это и их специализация (технические и корпоративные), инновационно-проектная ориентация деятельности, дополнившая учебную и научно-исследовательскую работу, размывание границ между университетским и иными профессиональными сообществами (в результате чего разворачивается погоня политиков за престижными учеными степенями). Поиск новых механизмов финансирования, вынуждающий преподавателей активно участвовать в коммерческих исследованиях, наконец, глобальные рейтинги университетов, существенно влияющие на финансовые потоки и популярность вузов среди студентов, – все реалии сегодняшнего дня. Есть и некоторые черты, которые можно трактовать как возрождение характеристик традиционных университетов доклассического типа. К их числу можно отнести интернационализацию университетов: распространение английского языка как международного, мобильность студентов и преподавателей. Участие студентов в управлении университетами также трудно считать новым явлением: достаточно вспомнить опыт старейшего в Европе Болонского университета, где ректоров (а их долгое время было двое) избирали именно студенты. Даже практику фактического вовлечения магистрантов в преподавание на младших курсах придумали и внедрили не наши перегруженные формальными показателями современники – она возникла еще в Средние века. Таким образом, современный университет – это не только продолжение классических принципов и учет новейших тенденций. Это и возрождение традиций прошлого, и адаптация к новым условиям, которые вновь стали актуальными в нашем глобализирующемся мире.

Не стоит упускать из виду и национальный контекст. Поскольку в средневековой Руси университетов не было, процесс их создания в Российской империи практически с самого начала пошел без учета доклассической традиции. Поэтому в России сложилась не классическая, а служилая модель университета, автором которой может считаться министр народного просвещения времен Николая I – граф С.С. Уваров. Преподаватель в рамках этой модели – не свободный ученый, а служащий государства, который подчиняется министерству и вышестоящему вузовскому начальству. К студенту здесь тоже относятся не как к заказчику образовательных услуг, а как к служащему, находящемуся в

подчинении у преподавателя и его начальников. Несмотря на официальное признание западных стандартов образования и включение России в Болонский процесс, эта модель сохраняется в нашей стране до настоящего времени.

Таким образом, анализ актуальных моделей университета будет результативным, если ему придать многомерный характер. Скорее всего, учет исторического и национального контекстов – лишь одно из измерений эволюции университетов, которое необходимо иметь в виду при исследовании этой проблемы.

В.В. Петренко. Применительно к обсуждаемой теме – классический университет как образовательная институция, где особое значение имеет корпус гуманитарных дисциплин – методически ценным становится требование, содержащееся в современных аналитиках субъективности. Следует согласиться с тем, что доля гуманитарных наук и соответствующего им профиля подготовки специальностей обеспечивает университету статус классического. Соответственно встают вопросы: каким трансформациям должен быть подвергнут субъект образования, чтобы отвечать новым социальным и мировоззренческим вызовам? Как классический университет, всегда имевший привилегию критического мышления относительно сложившегося порядка вещей, может способствовать складыванию желаемого образа социального? И, разумеется, какое место в этом процессе отведено классическому университету?

Важно понимать, что заявленная сегодня реформа высшей школы имеет, как минимум, два измерения. Первое – внешнее, институциональное, оформляющее любые инновационные процессы и преследующее цель модернизации сложившейся образовательной системы. Вторая – это то, как подвижки в социокультурной сфере, в том числе, в области образования, оказываются интериоризованными, как содержание университетского образования воздействует на субъект. Что значит сегодня образовательная субъективность?

Поскольку социальная реальность получает приращение за счет реальности сознания, то она оказывается принципиально открытой для изменений и зависит от господствующих умонастроений. Поэтому современная образовательная политика не может не видеть прагматистскую устремленность современного субъекта и должна демонстрировать здоровый прагматизм, быть прагматистски ориентированной, способной дать общезначимый результат не просто в

виде практических навыков и умений, но и в форме работы по складыванию и оформлению у субъекта жизненно важных и актуальных сегодня норм.

Ю.С. Осаченко. Хочу поддержать тех коллег, кто высказал мысль о том, что сама дилемма классического и исследовательского университетов представляется не совсем корректной, поскольку исторически классическая модель университета всегда предполагала интеграцию обучения и исследования, наличие академических свобод и формирование того пространства, где может органично развиваться «универсальный разум». В современных условиях разум может пониматься в двух измерениях – и как коллективный топос интегративной университетской коммуникации, (коммуникативная рациональность в духе Ю. Хабермаса), и как открытый динамический процесс выстраивания индивидуальной образовательной траектории (в духе экзистенциальной установки на полноту самоосуществления и построения образа персональной идентичности, личностного роста и т.д.).

Постклассический университет – это университет в эпоху массового человека, информатизации и виртуализации социокультурного ландшафта, глобализации, технологического и технократического диктата, переориентации целей развития науки и образования на прагматистские контексты и все более явственной тенденции превращения университета в бюрократическую (транснациональную) корпорацию. Говорить в таких условиях об исследовательском университете – либо анахронизм, либо профанация идеи исследования, либо постановка проблемы разработки принципиально новой модели исследования, которая бы позволяла, сохраняя ориентации на академические параметры классического университета, пользоваться новыми возможностями и наследовать подлинную исследовательскую интенцию классического университета – рефлексивность, свободу, личностную доминанту. К сожалению, сегодня понятие «исследовательский» ассоциируется с возможностью введения в университет коммерческого начала, легитимирующего продажу продукта научных исследований. Это может быть опасно для университета потерей фундаментальности содержания образования как его традиционной и культурно-исторической специфики.

Г.И. Петрова. У нас есть аспиранты, кто озабочен судьбой университета, о чем свидетельствует их выбор темы научной (диссертационной) работы. Юлия Михайловна Стаховская хочет сказать свое слово.

Ю.М. Стаховская. Хочу продолжить высказанную уже мысль относительно места инноваций в современном университете. Исследовательский университет как структура, образованная, созданная на базе классического университета, является современной формой интеграции образования и науки, где ключевым ориентиром и приоритетом деятельности становится инновационность. Как атрибут времени инновационность – это реакция на нестабильность и динамизм процессов социокультурного и профессионального миров. В сетевой информационной структуре, обуславливающей перманентную трансформацию знания, возникает необходимость по-новому осмыслить понятие «образованность». В этом отношении важно понять дополнительный смысл, который несет слово «исследовательский». Исследовательский университет призван не только обеспечить возможность получения фундаментально-стабильного образования. «Образованность» сегодня не может базироваться на фиксации готового знания, но связывается с овладением методологии познания для генерации нового знания – знания как инновации. Современное содержание образованности базируется на креативности как способности не воспроизводить, но производить новые знания. Динамичный мир требует динамичного *cogito*. Его и призван актуализировать исследовательский университет. Развитие соответствующих когнитивных способностей – быстроты мышления, непрерывности улавливания важного, способности к риску, интуиции и т.п. – логично становится ожидаемым от университета, приобретающего статус исследовательского. «Исследовательность», будучи чертой классического университета, реализуется в исследовательском университете в новом – неклассическом – подходе к реализации функции подготовки кадров, когда требуется формирование компетенций когнитивного характера, воплощающихся в умении рождать инновации.

А.О. Зоткин. Вновь берут слово коллеги из Минска.

Д.Ю. Король. Значимая часть усилий исследователей судьбы современного университета связана с аналитической разработкой и «выращиванием» его образа в напряженном климате современности. Логично задаться вопросом: из чего может состоять такая работа, каково поле ее мотиваций?

Можно предположить взаимодействие двух линий усилия. Первая – рационализация представлений, целью которых должно стать появление конвенционального механизма отбора, то есть отделения ложных

претендентов на имя и идею университета от подлинных. Так, означал ли постсоветский период – время тотального «конвертирования» образовательных институтов в университеты, когда практически все высшее образование стало университетским, – означал ли этот период «выращивание» университетской подлинности? Затем – трансформация университетов в исследовательские или предпринимательские, профессиональные и прочие, что вновь предполагает реструктуризацию картины университетского мира, деление и отбор в образовательном поле. Одним из ключевых инструментов в различении подлинности оказывается *идея университета*. Под ее «управлением» осуществляется отделение ложного от истинного, конъюнктурного от стратегического. Это влечет за собой очаги напряженности и создает систему разрывов между университетским прошлым, настоящим и будущим. Вторая линия усилий связана с обнаружением переживания, связанного с тем, что идея университета в актуальном настоящем *не устанавливается*. Она, безусловно, существует, но в «нестабильной» форме. На ее тревожащую нестабильность откликнулся уже Джон Ньюмен в середине XIX века. А столетие спустя Карл Ясперс подчеркивал, что идея университета *не должна* быть явлена «в готовом виде»: «Она должна быть пробуждена косвенным образом».

25 лет спустя в работе Билла Ридингса «Университет в руинах» мы встречаем достаточно загадочные фразы. Например, «Обитать на руинах Университета – значит пытаться делать все возможное, одновременно отводя место тому, появление чего мы не можем предугадать». Ридингс предлагает институциональные прагматические формы «непредугаданного», и основной контекст размышлений связан с Мышлением, для которого современный Университет превращается в препятствие. По мнению Ридингса, превращение – это фатально и беспощадно. Мышление должно выработать такие типы новых практик, которые стали бы частью заботы о себе. Греза – это имя одной из таких практик мышления. Обыденная семантика «грезы» отсылает нас к специфике взгляда в будущее, «близость» с которым греза предлагает в обмен за ослабление контроля над конъюнктурным настоящим. Но попробуем извлечь грезу из оболочки *обманки*, представления того, чего *нет*. Возможно, тогда она окажется усилием по созданию темпорального места-события, в котором пересекаются и встречаются интересы прошлого и будущего. Другими словами, греза – это не будущее, греза – это способ,

которым будущее получает власть над настоящим, в котором нам и следует оказаться.

У М. Маяцкого (Логос. №1 (91) 2013), уже нашего современника, это выражено предельно четко: «Должен ли и может ли университет остаться прежним – вопрос так стоять не может. Университет – это тот общественный институт, которым общество грезит об *ином*. Даже прежним он может быть только в мечте – об утраченном идеале знания и его обретении».

Г.И. Петрова. Слово вновь – аспирантам.

Е.Г. Кулижская. Современные университеты для того, чтобы привести процессы обучения в соответствие с запросами постиндустриального рынка труда, где наиболее ценным товаром является мобильный интеллект, вынуждены следовать модели «enterprising/entrepreneurial university» – предпринимательского или, точнее, предпринимающего университета. Упомянутая модель университета провозглашает ценность знания как утилитарного продукта (результата познания) и как непрерывного формирующего (перформативного) процесса, который сообщает ему новые принципы внутренней организации, влияющие на формулирование миссии, выбор внешней политики, стратегий развития и новые практические взаимосвязи.

В такой модели университета особое значение приобретает его корпоративная культура. Ядро корпоративной культуры современного университета составляют лучшие классические основания, унаследованные еще от средневековых университетов. Но, в то же время, современный классический университет живет в эпоху корпораций, и не может не приобретать новые черты, присущие корпорации. Вследствие этого университет проявляет свои предпринимательские качества: выстраивает новую корпоративную культуру как механизм оперативного реагирования, релевантный вызовам постиндустриального общества, позволяющий сохранить и развить на новом уровне трансформированные классические основания, и органично воспринять процессы модернизации. В основе парадигмы предпринимательского университета существует множество символических и реальных связей между образованием и экономикой, и они оказывают мощное влияние на повседневную университетскую жизнь во всем мире. Любой современной корпорации, в том числе и классическому университету, приходится выстраивать свою работу в условиях перманентного кризиса, чтобы обеспечить себе конкурентное преимущество. Это позволяет концептуально по-новому

взглянуть на регулятивные функции корпоративной культуры и на процессы самоидентификации современного классического университета.

О.А. Бут. В определенном отношении хочу несколько возразить Екатерине Геннадьевне. Мы принадлежим к одной исследовательской группе, но мне не хочется разделять мнение о том, что современный университет должен стать предпринимательской корпорацией. В этом случае произойдет не трансформация его классической модели, но его перерождение. Конечно, нельзя не видеть специфики современной культуры, ее коммерческих, потребительских ориентаций, но также нельзя все социальные структуры измерять этим качеством. Перерождение университета в экономическую корпорацию грозит потерей того института, который производит и воспроизводит культуру. Более того, университет – единственный институт, который транслирует культуру. Потерять эту структуру означает потерять историю. А это страшно.

Находясь на пересечении интересов различных социальных структур (общества, государства, бизнеса, отдельной личности), современный университет расставляет приоритеты и учитывает в своем образе потребности каждой из них. Различие в приоритетах явилось причиной плюрализма его моделей и вызвало необходимость самоидентификации каждой из них, разработки собственных путей, миссии и «дорожной карты». В Томске сформировались две модели университета – исследовательская и предпринимательская. Университеты пошли по пути высвечивания своей главной функции. Исследование – это умственная напряженная работа во имя открытия научной истины. Предпринимательство же представляет собой деятельность, направленную на систематическое получение прибыли, и, если говорить конкретно об университете, – это «ваяние» предприимчивых людей. Соответственно, исследовательский университет больше обращен в сторону науки, а предпринимательский – в сторону бизнеса. Хотя надо сказать, что и исследовательский интерес обращается к науке в большой мере потому, что видит ее современные стоимостные характеристики.

Остается вопрос: Почему на пути дифференциации обе модели, как кажется, отходят или не столь активно настаивают на сущностной университетской функции? Возникновение классического университета было связано с реализацией его культурной миссии – ввести человека в культуру, создать как внутри своего пространства, так и вне его особой духовно-культурной ауры. Не затмят ли эту сущность (т. е. то, что всегда

делало университет университетом) его современные предпринимательские инициативы?

В.Е. Буденкова. Противопоставление университета классического университету исследовательскому – тенденция необоснованная и весьма опасная. Во-первых, потому что такое противопоставление имплицитно содержит негативные коннотации и оценки: «классический» – «устаревший», «архаичный», а «исследовательский» означает «современный», «продвинутый». Во-вторых, в нашей стране эта идея, насаждаемая «сверху», влечет за собой вполне «осязаемые» последствия, как для образования, так и для науки. Но, как писал еще Х. Ортега-и-Гассет, университетское образование выполняет три функции: передача культуры, обучение профессиям и научное исследование. При этом, хотя университет неотделим от науки, научное исследование не относится к базовым функциям университета и не должно без причины включаться в них.

Этот парадоксальный, на первый взгляд, и противоречащий «очевидному» положению вещей вывод, тем не менее, вполне логичен, поскольку речь идет об образовательной социокультурной институции, каковой университет является в первую очередь.

Сегодня же в рамках идеи «исследовательского университета» мы видим смещение приоритетов от образовательного (в широком смысле) процесса в сторону процесса исследовательского и даже технологического и коммерческого. Достаточно взглянуть на критерии эффективности, разработанные для исследовательских университетов. Но наука – это занятие не для всех. Я имею в виду не только студентов, большинство из которых, опять-таки, по замечанию Х. Ортеги-и-Гассета, не готовы и не собираются связывать свою жизнь с занятиями наукой, но и преподавателей, которые не могут все как один стать учеными и эффективно выполнять свои педагогические и научно-исследовательские функции одновременно. В подобных условиях неизбежно встает вопрос об идентичности преподавателя университета. Кем и как он себя ощущает в сложившейся ситуации и чем является для общества. Для многих – это вопрос жизненно важный, т.к. в зависимости от ответа на него, человек либо понимает, что выполняет важную социокультурную функцию и его работа действительно нужна обществу, либо начинает чувствовать себя человеком «второго сорта» не только в профессиональном отношении, но и в личностном. Эти вопросы требуют специального обсуждения и могут стать темой следующего круглого стола.

Итак, следует подчеркнуть, что противопоставлять две модели университета – стратегия ошибочная и малоперспективная. Важно искать механизмы, позволяющие университету, оставаясь классическим в смысле образования и приобщения к культуре, реализовывать свой исследовательский потенциал.

Г.И. Петрова. Подводя итоги обсуждения, хотелось бы обобщить высказанные позиции, представить, главным образом, общие мнения. Организаторы круглого стола, предполагая возможность и необходимость разногласий, поставили в конце грамматически обозначенной темы вопросительный знак. Можно по-разному этот знак интерпретировать. Во-первых, он действительно утверждает возможность разногласий и утверждает их легитимность. Во-вторых, в нем есть смысл неуверенности: можно ли, действительно, противопоставлять названные модели друг другу. В-третьих, есть, напротив, уверенность (и желание получить подтверждение этой уверенности) в том, что, конечно, противопоставление невозможно. Однако не только потому, что классический университет всегда априори есть университет исследовательский и, конечно, не за то, что «классический» ассоциируется с «устаревший» и «архаичный». Напротив, классика вечна и абсолютна. На то она и классика.

Ведущим и общим мнением всех участников круглого стола предстало видение университета (его любой модели) в его гуманитарной миссии. Духовно-гуманитарная аура университета – это его сущностная, специфика, отличающая университет от всех прочих образовательных институтов. Поэтому одним из основных вопросов и главной заботой современной университетской общественности являются вопрос и забота о сохранении этой миссии. Ее исчезновение под напором заявивших сегодня сил коммерции и прагматики означает, как заявляет современная литература, «смерть университета». Возникает недоумение, связанное с тем, что с отмечаемой сегодня актуализацией гуманитарных аспектов развития мирового сообщества, именно гуманитарной сущности университета меньше всего уделяется внимание. Речь даже не идет о сокращении гуманитарного образования, речь идет о снижении уровня особого духовного настроения университета, его ауры, всегда вызывающей то состояние души, которое древние греки называли катарсисом. «Смерть университета» – это его трансформация из храма науки, то есть из места, где наука являет себя в гуманитарном облике, в «место повседневности». Хорошо, если те самые «руины», в которых современный университет находится, готовят его новый облик, который явит собой воплощенный

дух. И, конечно, хорошо, что греза университета – это греза об *иной* современности, не отвергающей категорично *университетскую* почву. Университет потому и живет уже порядка девяти столетий, являет собой устойчивую и трезво консервативную структуру. Принцип наследования никогда никому не вредил.

Наследуется классичность, черты которой обнаруживаются не только в гумбольдтовской модели, но и в первых университетах средневековья. «Греза» всегда становится утопией, если она возникает на пустом месте, беспредметно, то есть без учета традиций. Традиция даже в обществе инноваций остается механизмом социального развития, имеющего своим функциональным назначением удерживать от безостановочности и азартности в беге, корректировать и экспертировать инновационный запал. Инновационность может стать гарантом релевантности современной социальности, если будет оглядываться на классическую традицию.

Уважаемые коллеги, спасибо всем за плодотворную дискуссию.

Составители: Г.И. Петрова, И.А. Ершова (Томск); Д.Ю. Король, А.А. Полонников (Минск).

Modern University: dilemmas of development

Thematic discussion

Keynote speakers / moderators: Gailna I. Petrova, Andrey O. Zotkin.
Tomsk State University

Athematic discussion, Research University versus Classical University, was held at National Research Tomsk State University (TSU), on 10 November 2014. The faculty and the representatives of the management, postgraduates and undergraduates of TSU and Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR), as well as leading researchers from the Education Development Centre at the Belarusian State University (EDC BSU, Minsk, Belarus) (Via Skype) shared their ideas and concerns related to this topical subject.

Keywords: classical university; research university; idea; mission; criteria.

Editors: Gailna I. Petrova, Irina A. Ershova, Dmitry Yu. Korol, Aleksandr A. Polonnikov.

Petrova Gailna I. – Dr. Sci. in Philosophy, Professor, Faculty of Philosophy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), seminar_2008@mail.ru, tel.: 8-913-103-82-35

Zotkin Andrey O. – PhD in Philosophy, Associated Professor, Faculty of Psychology, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), aозotkin70@gmail.com, tel.: 8-923-419-51-71

Ershova Irina A. – PhD in Political Science, Researcher of the Institute for Arts and Culture, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), iritza@mail.ru, tel.: 8-903-955-43-89

Korol D. Yu. – a research associate of the Educational Development Center Belarus State University, Minsk, Belarus, klinamen.com@gmail.com

Polonnikov Alexander A. – PhD in Psychology, associate professor, Deputy Head of the Education Development Centre, Belarusian State University, Minsk, Belarus, polonn@bsu.by

Acknowledgements:

This research is supported by the Russian State Fund for Humanities Research, The corporate Culture of the Classical University: role in the formation of professional and personal identity of the graduate, project №14-13-70004.

The editors express their gratitude to the organizers of the thematic discussion and all researchers, who were engaged in the discussion.